

ОСНОВАНА 16 СЕНТЯБРЯ 1993г

ЦЕРТЕ ЧТО

№ 50

[сентябрь 2013]

Газета Исторического факультета

**Из века в век
или
о чём могут
рассказать
дипломные
работы?**

С. 5

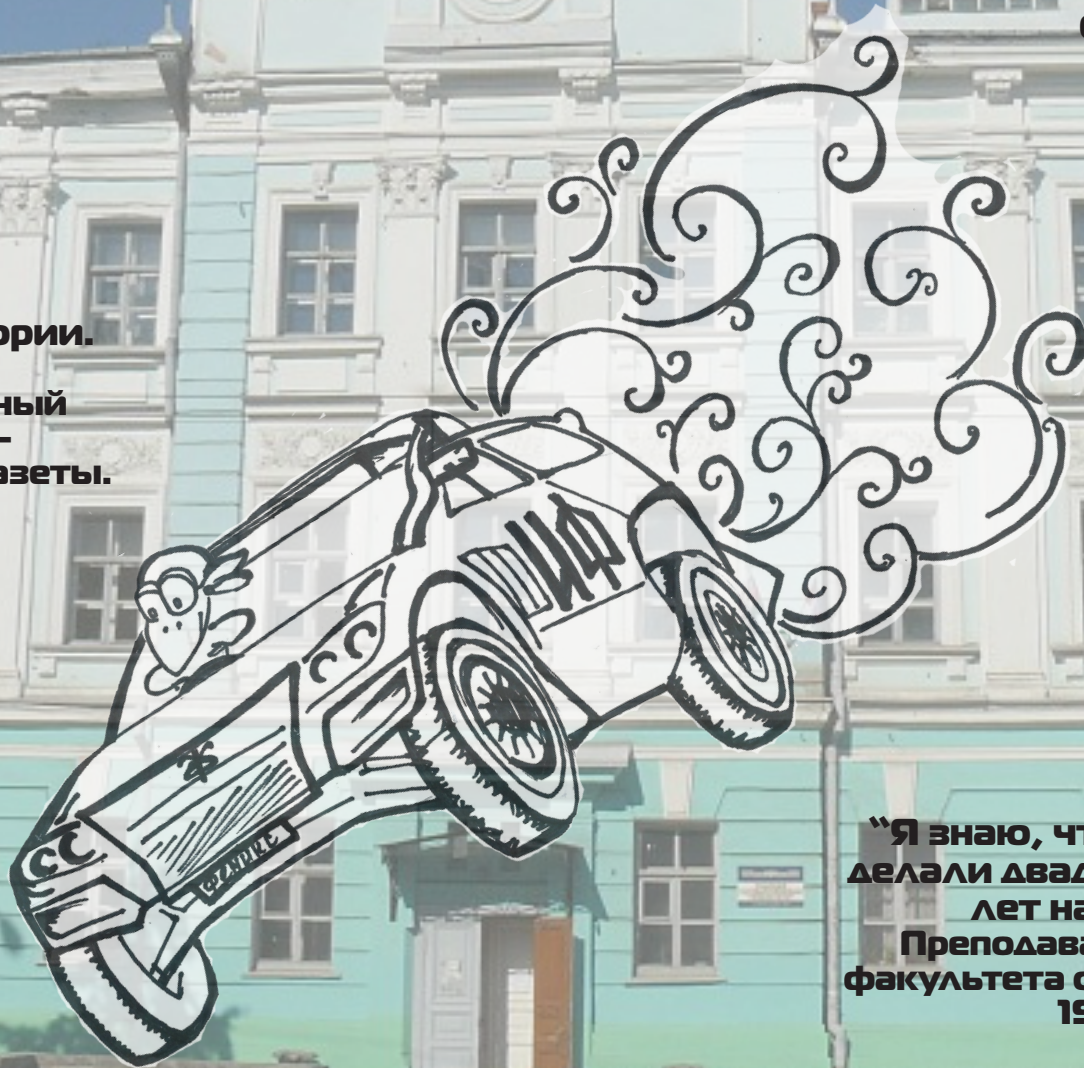
**Где начало того
конца, которым
оканчивается
начало? (с)**

**Интервью с "отцами-
основателями" газеты**

С. 3-4

**Дежавю на
уроках истории.
Очередной
оппозиционный
очерк от экс-
редактора газеты.**

С. 10

**"Я знаю, что вы
делали двадцать
лет назад"**

**Преподаватели
факультета о годе
1993-м**

С. 4-7

От сверхредактора

Тема этого номера – дежавю, или – 20 лет спустя. Ровно столько прошло с момента появления нашей газеты на историческом факультете. Сейчас, перечитывая старые номера и вспоминая то время, я пытаюсь понять, что было совершенно иным, а что похоже настолько, что действительно, возникает ощущение дежавю.

Что сразу же бросается в глаза – это бесшабашная бестолковость писавших газету первокурсников. Все же, это замечательно – писать что угодно в газете под названием «Черте что», писать о себе, писать для себя, стараться развеселить однокурсников, ни на какой статус не претендуя. Черте что – это самое верное отражение того времени, так что мы верно поймали волну, а я, помню, мечтал о создании целого медиа-холдинга с таким названием. Там было бы и телевиденье и радио и пресса...

Мечтать не вредно. Но это все ушло. Сегодня даже первокурсники кажутся мне слишком... не повзрослевшими, нет... не серьезными... а более привычными к формам, к правилам. На самом деле, отчасти это мы загоняем их туда. Вот 1993 год – посвящение студентов в «Минутке», с танцами и спиртом «Рояль», посвящения в БИНе, где кавардак по всему третьему этажу, «День пива» в общаге... Праздник и будни в университете оказывались тогда неразрывно связаны между собой.

В общем – веселая бедность. Вечно голодные студенты, нет ни компьютеров, ни сотовых телефонов, газета пишется от руки, а на новомодный ксерокс катастрофически не хватает денег. И последствия «Большого пука» на Северской атомной станции не дают покоя воображению...

А в стране – обсуждают Путч и пародируют Горбачева. Жириновский начинает свой безнадежный рывок к Абсолютной власти. Шаман Чукотки едет на гастроли в Томск. А в Томске – первая и пока единственная, наверное, забастовка преподавателей. Населению раздают ваучеры – делят страну. Непонятно куда мы движемся и что будет дальше, но уже ясно, что демократия, так толком и не начавшись, сворачивается после штурма Белого дома.

Вот где ничего нового – так это на международной арене. В Зимбабве опять пойман Белый человек. Арабы ссорятся с Израилем, соревнуясь где больше евреев. США обвиняют Ирак в разработке ядерного оружия, Саддам Хусейн ещё на что-то надеется, но уже скоро – будут бомбить.

И снова к газете. 8 номеров за год – до сих пор не побитый рекорд. И это при редакции в 4 человека. Это атмосфера домашних посиделок, ощущение праздника не смотря на зачеты, коллоквиумы, экзамены. А вокруг – друзья, однокурсники и любимые преподаватели, многие из которых уже от нас ушли...

Н.С.

Где начало того конца, которым оканчивается начало? (с) К. Прутков

Специально к юбилею нашего издания мы взяли интервью у «отцов-основателей» газеты: Михаила Леонидовича Бабака, Алексея Викторовича Войтовича и Николая Александровича Сайнакова. Беседа получилась живой и яркой. Так мы узнали, как первая редакция обидела Вадима Сергеевича Гурьева, как негодовала «Alma Mater» и как правильно относиться к новостям, которые печатают в «Фениксе». Пardon, тогда газета называлась «Чёрти что».

- Расскажите, как вам вообще пришла в голову идея создать газету столь странного толка.

САЙНАКОВ: - Однажды я опаздывал на троллейбус и пока бежал, в голову пришла мысль создать газету на факультете.

ВОЙТОВИЧ: - В общем, от удара о троллейбус пришла светлая мысль.

САЙНАКОВ: - Вообще я придумал газету потому, что было скучно.

ВОЙТОВИЧ: - На дворе было шестнадцатое сентября, две недели учёбы, а ему было скучно. Люди ещё не могли запомнить друг друга в лицо, не то, что по именам.

САЙНАКОВ: А ещё на некоторых лекциях было скучно. Поэтому первый номер был сделан на парах. Шестнадцатого сентября начали, двадцатого закончили. И тут же пустили по рядам, чтобы народ отклики свои написал, прямо в номере на последней странице. Вы, кстати, можете посмотреть, номера отсканированы и размещены на страничке факультета.

ВОЙТОВИЧ: - Ты лучше расскажи, как ты нас вовлёл в эту преступную организацию.

САЙНАКОВ: Сначала я привлёк Алексея и Сергея Малыхина. Сергей очень талантливый и стильный парень. Он красиво писал, красиво рисовал и был совершенно незамечен. В общем, мы втроём начали писать. А потом был Миша, который хотел свою газету выпускать. Мы ему предложили сначала попробовать вместе работать, а там посмотреть, стоит ли две газеты иметь.

БАБАК: - Я её хотел «Prehistory» назвать.

САЙНАКОВ: - Ага, и очень хитрый парень был: даже хотел, чтобы отзывы сзади писали отдельно про «Prehistory», отдельно про «Чёрти что».

ВОЙТОВИЧ: - Да, тут вопрос даже не в том, как нам пришлось в голову этим заниматься, а вопрос жёсткой конкуренции.

- И почему победила именно «Чёрти что»?

ВОЙТОВИЧ: Потому что сам процесс важнее результата.

БАБАК: Мы даже пытались записывать сам процесс на магнитофонную плёнку, а потом прослушивать. И по записи было совершенно непонятно, кто чем занимался, но очевидно, что очень весело. Главным было для нас не сделать газету, а приятно провести время.

ВОЙТОВИЧ: Опять же, если проводить аналогии... У одного ушло семь лет на

защиту диссертации, у другого десять... Это потому, что процесс интереснее, чем результат.

- То есть сначала газета была рукописной?

ВОЙТОВИЧ: Первые тринадцать выпусков.

САЙНАКОВ: Мы делали один экземпляр, а потом на ксероксе множили. Хотя первые номера нам предлагали набирать. Первый компьютер, матричный принтер...

ВОЙТОВИЧ: На дворе девяносто третий год! Компьютеры существуют.

- Вы ведь делали газету не только на лекциях? Где ещё вы собирались?

САЙНАКОВ: Мы пили чай. У кого-нибудь дома. Приходили и съедали всё, что находили.

ВОЙТОВИЧ: Как нам тогда не хватало сотовых телефонов! Придешь домой, бывало, а тебе передают: «Коля звонил, вы сегодня собираетесь по газете». И ты разворачиваешься и едешь обратно через весь город.

- Как общественность отреагировала на появление сего чуда?

САЙНАКОВ: В целом хорошо. Как сказал потом Котляров: «Такие начинания мне нравятся, какого бы качества они ни были». Это полностью отражает атмосферу.

ВОЙТОВИЧ: Я не помню ни одного человека, который бы сказал, выражаясь современным языком: «Что за отстой вы тут задумали?». Особенные восторги были, когда люди привыкли к новостям. Сначала всем казалось, что это ерунда, а потом они эти новости видели вживую. Например, мы первыми в Томске написали, что запускаются троллейбусы №6 и №7. Я по радио утром услышал, а днём мы уже написали. И никто не поверил. А когда через месяц эти троллейбусы начали ходить по улицам... Смеются

- То есть новости тех лет были реальными новостями?

ВОЙТОВИЧ: Они всегда были такими,

и в этом была фишка. Потому что есть настоящие новости, есть новости, у которых основа реальна, а всё остальное высосано из пальца, а есть новости, где всё высосано из пальца. И нужно было найти где, правда, где неправда, а где полуправда. Нам казалось это смешным. Хотя не думаю, чтобы кто-то всерьёз заморачивался поиском. На самом деле, реальных новостей было очень мало.

- Сколько человек было в редакции?

САЙНАКОВ: Мы четверо составляли костяк, а кто-то приходил, кто-то уходил. Были и девушки, но парней было больше. Я думаю, что в этом залог нашего успеха: среди мужского пола трения возникают реже. Хотя мы тоже меж собой ругались.

БАБАК: Коля даже закрывал газету.

ВОЙТОВИЧ: Ему очень хотелось, чтобы девушки что-то там сделали. Чтобы тоже поучаствовали в газете.

САЙНАКОВ: Это был шантаж, но они не поддались. И в итоге газета была закрыта.

ВОЙТОВИЧ: Причём газету он закрыл под двадцатое февраля, а под восьмое марта мы её открыли. То есть её закрытие продолжалось два дня. Три, может быть. *Смеются*

- Газета выходила чаще, чем сегодня?

САЙНАКОВ: В первый год мы выпустили восемь номеров. По номеру в месяц. Чаще уже было невозможно. Это, кстати, абсолютный рекорд, больше такого не было никогда. Потом дело пошло медленнее, но это потому, что у нас стало всё серьёзнее.

- А какое-то разделение труда было?

ВОЙТОВИЧ: Было. Коля нас пинает, мы делаем. *Смеются*. На самом деле, в основном все материалы были Колины. А я писал набело. У меня был читабельный почерк. И когда я переписывал, я брал на себя незамеченную никем ответственность корректора. Потому что много глаза отказывались читать, а рука не поворачивалась это писать.

- Какие материалы вызывали наибольший резонанс среди читателей?

ВОЙТОВИЧ: Надо всерьёз подумать, вызывала ли вообще газета какой-нибудь резонанс.

САЙНАКОВ: Вызывала-вызывала. Ведь то, что написано про тебя любимого, всегда находит отклик. Был скандал, когда я хотел пропесочить нашего пьяницу, который на посвящении напился и барагозил. А он подходил ко мне и говорил: «Ты чё? Ты принципиально хочешь про меня написать, да?».

ВОЙТОВИЧ: Мы на первом курсе, ничтоже сумняшеся, задумали затеять рей-

тинг преподавателей: кто лучше, кто хуже. Не имея никакого представления о них. По типу: вот этот мне нравится, а этот не нравится. И на сессии, кстати, это никак не отразилось.

САЙНАКОВ: То есть газета вообще никак не мешала учёбе. Я вообще поражаюсь, как мы столько всего успевали делать.

- Как перестала существовать «Чёрти что?»

ВОЙТОВИЧ: У нас произошёл ребрендинг. Мы тогда такого слова ещё не знали, но чувствовали, что нужно что-то поменять. Не

отражало старое название ни наши амбиции, ни внутреннее состояние.

САЙНАКОВ: Ещё на газету были нужны деньги. А тогда их было получить намного сложнее, чем сейчас. Приходить и просить денег на «Чёрти что» было, мягко говоря, странно.

ВОЙТОВИЧ: Мы на собственные, кровно заработанные деньги купили диктофон. Причём недёшево он стоил. Концептуально он нам понадобился один раз, когда я брал интервью у Майера. И он не включился. А Майер говорит, я слушаю... И только через полчаса я понял, что записи разговора у меня нет. Пришлось потом восстанавливать на слух. И ведь хорошо восстановил. От страха, наверное. А ещё как-то раз мы назвали Майорова деревенским дурачком. Это было нашей самой большой ошибкой. Так что, избавляясь от старого названия, мы избавлялись от всего плохого, что накопилось.

- Что вам дал опыт писания в газету?

ВОЙТОВИЧ: Оо, бесценный опыт... Филологический, то есть: работа с текстом, правка текста, анализ. Умение заходить и брать интервью. Мы были смелыми до безумия. Чуть ли не пинком двери открывали. Чтоб я сейчас так ходил... Нет.

БАБАК: Опыт общения с разными людьми опять же. Журналистами никто не стал, но такой опыт-то не только в журналистике нужен. Хотя я, благодаря этой газете, потом полтора года проработал редактором в газете «Томские православные новости». Это была самая лучшая работа. *Смеются*

САЙНАКОВ: Ещё один из плюсов газеты это то, что нас знали абсолютно все. Так что свою толику славы мы получили. И на кафедре я остался во многом благодаря газете, именно потому, что меня все знали. Если хотите остаться в университете, то будьте в каждой бочке затычкой.

ВОЙТОВИЧ: Обычно студенты приходят на пары и знают какие-то байки про преподавателей. А тут ситуация была наоборот: мы приходим, и про нас уже все знают.

- А расскажите, чем вы сейчас занимаетесь. Чтобы мы могли оценить, кто вырастет из корреспондентов студенческих газет.

САЙНАКОВ: Ну вот Сергей Малыхин теперь дизайнер. У него собственный бизнес, фирма «Инженер Гарин». Он шьёт галстуки-бабочки. То есть, не он лично, шьёт швея, а он разрабатывает дизайн. Серии изделий небольшие, полторы-две тысячи стоит одна бабочка. Крутые ткани, стилистика 60-70 годов. У него в Москве большая клиентская база. Все очень довольны, и он тоже очень доволен. Хорошо себе живёт, наслаждается жизнью и любимым делом. Ну он стилигой всегда был.

БАБАК: «Клуб интеллектуальных» игр у меня есть, где большие дяди играют в маленьких солдатиков. Дома целая мастерская: солдатиков же сначала сделать нужно, раскрасить. Хобби очень разноплановое. И на этом ещё можно деньги зарабатывать, но это не у всех получается. Большинство их тратит.

ВОЙТОВИЧ: А я преподаватель истории в Политехническом университете. До этого работал в другом месте, но смысл тот же самый: я преподаватель. Прежде всего, истории, а потом уже социально-гуманитарных дисциплин. Любых. И если вы думаете, писать или не писать в газету, то я вам на своём примере покажу, что писать стоит. Я начал с того, что набело переписывал Колины статьи. Потом начал писать сам, но проза у меня плохо получалась. Зато получилась драматургия. Я несколько лет назад написал пьесу и мы её поставили. Так возник ныне существующий любительский театр «Оксюморон». Потом я написал туда ещё четыре или пять пьес. Но театр ставит не только мои пьесы. Спектакли в основном идут в Доме учёных. Опять же, я не только драматург, но и актёр в этом театре.

Беседовала N.B.

«Я знаю, что вы делали двадцать лет назад»

Двадцать лет назад значительной части наших читателей не было на свете вообще. Большая часть в это время училась ходить и говорить на человеческом языке. А кто-то, как и «Феникс», только-только родился и пускал пузыри в колыбельке, только и делал, что ел и спал, счастливчик. Но ведь была же и взрослая жизнь! Все мы тут люди образованные, все знаем, что девяностые годы – годы для России сложные, сродни гражданской войне или революции. Но как это ощущалось в частной жизни, как эта частная жизнь менялась?.. Сегодня мы дали преподавателям возможность выговориться, рассказать всё, что терзало их долгие двадцать лет. Не все воспользовались этим шансом: кто-то был банально вечно занят (Александр Николаевич, здравствуйте!), кто-то спешил отделаться парой предложений. Но и тот материал, который мы получили, проливает луч света в тёмное царство девяностых.

«Хорошие люди историки»

Василий Павлович Зиновьев

1993 год...

В этом году я был ведущим научным сотрудником главной научно-исследовательской лаборатории истории, археологии и этнографии Сибири. Мы были группой, которая изучала хозяйственное освоение Сибири и её социально-экономическую историю начала XVIII – начала XX вв. Лаборатория, к сожалению, развалилась, так как государство перестало финансировать развитие науки. Нас не спасли ни публикации краеведческих изданий, написание истории города Томска и города Северска, выпущенных в 1999 году, ни частные заказы предпринимателей.

Я знаток международных отношений, преподавал на кафедре мировой политики, затем на кафедре современной отечественной истории, в 2002 году стал заведующим кафедры отечественной истории. Я, так сказать, сотрудник всех кафедр на нашем факультете.

Если говорить об атмосфере, царившей в то время, двадцать лет назад, то могу сказать, что время было политически сложным для России. Я с тревогой наблюдал за развивающимися событиями в Москве, в такое беспокойное время ничего доброго не ждал, так и получилось. Наука стала отходить на второй план, власть всячески старалась отделить образование от неё. Главным на тот момент было стремление выжить, и, безусловно, хотелось сохранить старую структуру, тот единый научно-воспитательный комплекс из 13 факультетов и видеть совместно науку и образование. Наш исследовательский университет, как научный, так и учебный, и об этом нужно всегда помнить.

20 лет назад ТГУ был на грани: быть или не быть, но сопротивление, оказанное университетом и Г. В. Майером выступавшим за сохранение классического университета, было сильным.

И сейчас ТГУ – центр науки, образования и культуры. Те непростые годы ознаменованы появлением Института искусств и культуры, руководителем которого в настоящее время является Черняк Э. И., доктор исторических наук. На многих гуманитарных факультетах руководят историки. Хорошие люди – историки, главной способностью которых является анализ, они могут стать кем угодно, их главная особенность – трансформироваться, ведь историк может реализовать себя в любой сфере. История – главная гуманитарная наука, и как говорил Н. Г. Чернышевский, не зная историю может только ограниченный человек.

«И печаль, и радость»

Чиндина Людмила Александровна

Двадцать лет назад мы были молодыми и очень активными. Работали много, участвовали и проводили конференции, научные контакты, встречи. Я стажировалась в Венгрии и уже тогда была знакома с Иштваном Фодором.

1993 год запомнился утратами. Не стало Г.Н. Грачевой и В.И. Васильева – талантливейших исследователей-этнографов, коллег, друзей. В науке до сих пор зияет брешь, нет замены этим специалистам по самодейцам. А очень хочется, чтобы преемственность сохранялась.

Это фото было сделано в ходе первой экспедиции Людмилы Александровны в 1955 г.

Но были и радостные события: мои студентки Аня и Оля (А.И. Боброва и О.И. Беликова) защитили диссертации. Сама я в научном плане переклещивалась с Мигалки на Кулайку. Мигалка была открыта случайно, когда там начались сельскохозяйственные работы. Работы приостановили, начались раскопки. В материальном плане было очень сложно, но нам помогло местное население. До сих пор сохранились благоприятные отношения, люди интересуются, читают работы, изучают историю своего края. И для меня это дорогого стоит.

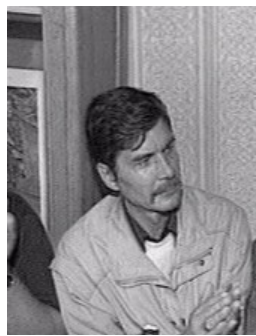
«Краткость — сестра таланта»

Николай Николаевич Соколов

Прежде всего, хотелось бы поздравить газету «Феникс» с юбилеем! На протяжении такого большого периода времени она выполняет важную задачу – отражает жизнь нашего факультета. Правда, это не всегда получается (иногда статьи бывают скучными), но, тем не менее, все равно неплохо. А потому хочется все лавить «Фениксу» дальнейшего процветания, а репортажам – всегда знать, какие вопросы затрагивать и как правильно подавать информацию.

Каким мне запомнился год основания газеты «Феникс»? С политической точки зрения это, прежде всего, штурм Белого дома. А если рассматривать

мою жизнь, то это было тяжелое время... В начале 90-х годов приходилось подрабатывать в лицах, в «Школе молодого лидера». Приходилось вести консультации, чтобы заработать на жизнь.

Примерно в это же время «кафедра», к сожалению, стала переставать быть центральным звеном в университетском образовании. Стали меняться ценностные ориентиры. И, увы, такая тенденция есть до сих пор.

«О сколько нам открытий чудных готовит просвещенья дух...» Тамара Александровна Бычкова

Любой год мне всегда запоминается студентами. Знаете, раньше студенты многим интересовались. Всегда обсуждали что-то в своих кругах и на семинарах с преподавателями. Можно сказать, что жизнь была более насыщенная, чем сейчас, например, очень активно действовали разные самодетельные объединения. И все всё успевали. Я считаю, что самое главное для студентов – понимать, зачем они пошли изучать историю. Особенно если студенты интересующиеся, пусть даже ленивые, но талантливые. Но таких всегда немного.

Если говорить о нынешних студентах, то в прошлом году мне очень понравились регионоведы. Их отношение к учебе приятно поразило: занимались хорошо, отвечали, зачеты сдавали, славились, в учебном плане. И дипломами год запомнился, международниками. Все защищались великолепно. Приятно, что они стали уверенными, самостоятельно мыслящими, приятно и то, что и я к этому руку приложила.

«Замена экспедиций экскурсиями» Чёрная Мария Петровна

Вообще, 90-е – это годы безвременья, все разваливалось. Провал был в работах, не было экспедиций.

Денег не было ни на работу в музеях, ни на экспедиции. И вместо раскопок я проводила студентам экскурсии по старому Томску: рассказывала и показывала, где были раньше раскопки. Такая замена экспедиций действовала с санкции деканата и в зачётку представлялась как археологическая практика. Необходимо это было, чтобы из учебного плана не исключили практику навсегда. Поэтому я очень благодарна Александру Николаевичу Попову, который прекрасно понимал важность учебного процесса, и, как зам. декана, многое сделал для его сохранения.

А еще с моим приходом на кафедру, впервые в университете появилось новое направление исследований – по русской археологии Сибири, кстати и в Западной Сибири в целом. Целенаправленно русской археологией в то время занимался ещё только А.Р. Артемьев во Владивостоке!

*Беседовали Ксения Петрова,
Юлия Лир, Наталья Овчинникова*

*Единственная женщина на фото
ниже – вновь Людмила Александровна.*

Из века в век

или

о чём могут рассказать дипломные работы?

Как по годовым кольцам дерева можно проследить историю его роста, так по нашей газете можно проследить многие изменения, затронувшие историков. Разумеется, почти четверть века менялась и тематика научных исследований студентов.

Так на кафедре «Отечественной истории дооктябрьского периода» студенты писали дипломные работы на темы по общей отечественной истории и истории Сибири в дореволюционный период. Однако в настоящее время, помимо уже указанных выше тем, на кафедре, доступны также исследования в области этнографии и антропологии.

В 1993 г. на кафедре «Современной отечественной истории» основная тематика курсовых работ вращалась вокруг исследований в области событий Гражданской войны и общественно-политической жизни Сибири до II Мировой войны. В наши дни спектр предлагаемых курсовых работ сместился к изучению политических и социальных явлений конца XX – начала XXI века, а также к исследованиям становления и развития науки и образования в Сибири.

Обучаясь на кафедре «Древнего мира, средних веков и методологии истории», студенты попробовали свои силы в изучении психоистории или методологии истории. К сожалению сейчас психоистория отошла на второй план, а ее место достойно и прочно заняли темы посвященные религии и мистицизму.

На кафедре «Новой и новейшей истории» всегда было глубокое и всестороннее изучение новой и новейшей истории западных и азиатских стран. В настоящее время эти исследования не только продолжают, но и фокусируются на изучении процессов глобализации происходящих в мире, а также на политике проводимой ведущими зарубежными странами на рубеже XX-XXI веков.

В 1991 году была открыта кафедра «Археологии и исторического краеведения». В этой связи начинают проводиться первые исследования в области первобытной культуры и археологии Западной Сибири, которые продолжают по настоящее время.

*Вопрос изучали Ксения Петрова и
Илья Дунбинский*

«Переломный девяносто третий»

Евгений Алексеевич Васильев к нашей просьбе рассказать о прошлом подошёл обстоятельно, с толком, чувством и расстановкой. И если вам кажется, что написано слишком много слов – не читайте. Отложите до тех пор, когда вам не нужно будет никуда спешить. И терпение ваше вознаградится.

Расстрел Белого Дома и Ельцин

1993 год, безусловно, не рядовой. И для меня, и для университета, и для всей страны. Первое, что приходит на память – это, конечно, события у Белого Дома. Для всех стало совершенно очевидно, что возврата к социализму уже не будет. На меня лично огромное впечатление произвёл расстрел Белого Дома, симпатии мои были на стороне парламента. Ельцина я знал давно, гораздо давнее, чем большая часть томичей, да и вообще россиян. Знал, поскольку активно сотрудничал с коллегами из Свердловска, а там он довольно рано заявил о себе как ярко выраженный популист. Причём по Свердловску ходили рассказы о его поступках, мягко говоря, не красящих коммуниста. Все знали, что это человек вспыльчивый, довольно агрессивный, энергичный. Пробивной, как говорили раньше. Очень ориентированный на партийную карьеру. Но страдающий одной распространённой в России... болезнью - не болезнью... наклонностью. Ну и популизм, конечно, зашкаливал. Однако популизм был хорошо ассимилирован, дозирован. Рассказывали истории, и я видел сюжеты по местному телевидению (свердловскому) про встречи с простыми, что называется, людьми. Ельцин делал суровое лицо и спрашивал у своих подчинённых: «Почему нет молока? Почему нет мяса в магазинах?». Ветеранов туда же приплетали. В общем, благодатная тема. Через неделю какая-нибудь старушка с восторгом говорила, что у них в магазине появилось молоко, привезли колбасы и так далее. Но я хорошо знал, что в годы его правления по всему Екатеринбургу шаром покати. Но такие показательные взбучки создали образ человека, который борется с привилегиями коммунистов и готов жизнь положить для простого народа. И вот этот человек оказывается во главе государства.

Лаборатория

Расстрел Белого Дома для меня начал и то, что образ жизни придётся сильно поменять. Археология в годы социализма, даже позднего социализма, пользовалась большой поддержкой государства. В университете было гарантированное бюджетное финансирование научных исследований. Я в то время работал на полную ставку в проблемной лаборатории истории, археологии и этнографии Сибири. Это было очень мощное научное подразделение. Из этой лаборатории вышли многие преподаватели современные: Василий Павлович Зиновьев, Эдуард Исаакович Черняк, Ольга Михайловна Рындина, Владислав Михайлович Кулемзин. Потенциал был огромнейший. Но вот в 1993 кадровый состав лаборатории стал, как шагреновая кожа, сокращаться. И для этого даже не нужно было

принимать какие-то административные решения, потому что инфляция достигала такого уровня, что просто не нужно было повышать финансирование. Каждый год de facto численность лаборатории сокращалась чуть ли не наполовину. В это время меня пригласили на кафедру археологии и этнографии, где я работал сначала по совместительству, на полставки. Кафедра открылась только в 1991 году, и 1993 год – это год продолжения становления кафедры. Преподавательская работа меня всегда привлекала, а к 1993 году я почувствовал потребность поделиться своими знаниями со студенческой аудиторией. Хотя опыт преподавательский у меня довольно давний: сразу же после окончания университета я читал курс по истории первобытного общества сначала на заочном, а потом и на очном отделении.

О северных экспедициях

Расстрел Белого Дома, помимо всего прочего, привёл и к состоянию крайней социальной неудовлетворённости. В это время появилась группа людей, которая своё не отдаст ни за что. Когда началась перестройка, все в один голос говорили (особенно либерально настроенная публика) о том, что нужно всё сделать без крови. Так, например, без крови была распределена общественная собственность. 1993 год это время, когда огромные, самые лакомые, куски социалистической собственности были распределены среди ближайшего окружения Ельцина. И вот в 1993 году стало ясно, что теперь эту собственность они не отдадут ни за что. И их никакая кровь не остановит. Ну а университетское сообщество оказалось в весьма плачевном состоянии. Полностью прекратилось бюджетное финансирование науки. Это означало, что нужно ориентироваться на какие-то новые источники. Я всю свою жизнь до этого работал на севере, и северные археологические культуры составляли, пожалуй, смысл моей не только научной жизни. Без севера я себя уже не мыслил. Вокруг меня собралась целая группа студентов, выпускников, которые каждый год по месяцу, по два (совершенно бесплатно) ездили в эти экспедиции. Все их очень ждали, продумывали заранее. И вдруг всё закончилось. Стали поговаривать о какой-то новой грантовой системе, но она была не отработана. И я не мог рассчитывать на получение достаточ-

ного финансирования через гранты. Их просто не было: грантов такого объёма. В общем, всё было очень печально. Не то чтобы я очень сильно страдал материально, хотя и это было. Сотрудники научных подразделений, лабораторий это ощутили на собственной шкуре. А вот преподавателей поддерживали в большей степени. Это потому, что они были связаны со студенческой средой, их всё-таки старались не раздражать. Таким образом можно сказать, что в 1993 году чётко разделилось финансирование преподавательского состава и научных подразделений.

Последний бастион социалистической системы

Состояние кризиса, охватившего страну, мне удалось преодолеть за счёт соседства города Томска с Северском. Северск был последним бастионом социалистической системы. Там всё происходило с запозданием в среднем на пять лет. И меня пригласили в музей города Северска, где я получил великолепную возможность продолжить научные исследования и поддерживать материально свою семью. Музей давал гарантированные деньги на экспедицию, приличную заработную плату с дополнительными социальными выплатами и так далее. Я больше скажу: в музее города Северска, где археологией раньше не занимались, проявили такой большой интерес к этому делу, что лучшей организации я ещё не видел. Если в университете приходилось всё делать буквально своими руками (приобретать оборудование, заботиться о продуктах, искать дополнительные средства для привлечения рабочей силы и т.п.), то там меня полностью от этого освободили. Я только формировал экспедицию и выезжал. Финансирование в лучших традициях социалистической системы, так сказать. И тогда я впервые стал заниматься археологией несколько другого толка: не севера, а юга Западной Сибири.

Раскопки в Северске

1993 год – это первые раскопки за колючей проволокой в рамках большой программы, которую поддерживали администрация города и особенно отдел культуры. Все, в конечном счёте, зависит от людей. Нашёлся в это время в отделе культуры человек, который увидел в археологии возможность несколько преобразовать имидж города. Казалось бы странно: передовые технологии, атомград... Чем же ещё гордиться перед иностранцами, которые как раз впервые зашли за КПП? Но выяснилось, что помимо атомных реакторов в Северске больше показывать нечего. Музей был не музеем, а выставочным залом, где демонстрировались последние достижения промышленности, изредка устраивались выставки местных

фотографов и художников. А между тем в Северске и рядом с ним располагались великолепные археологические памятники, в том числе такие известные как поселения Самусь-4, Чекист. И если раньше колючая проволока не пускала археологов в пределы города Северска, то теперь режим был смягчён. И появилась возможность представить не только Северск современный, но и древние культуры нижнего Притомья. И это было интересно самим горожанам. Вообще психология горожан закрытого города это отдельная тема. Эта особенность ощущалась тогда особенно остро, потому что они находились на особой планке социального обеспечения. У них всегда были лучшие продукты, гарантированы какие-то дефицитные вещи. В общем, они привыкли жить хорошо. И это продолжалось тогда, когда в городе Томске кризис уже разразился вовсю. И мне сказали: «В музее города Северска необходимо создать краеведческую экспозицию, основанную на очень ярких, показательных артефактах». Такой социальный заказ на местную древность. Меня долго упрасивать не пришлось, и с 1993 года начались многолетние раскопки выдающихся археологических памятников. Так я постепенно втянулся в археологию южных памятников. Поселение Чекист (с которого раскопки и начались) не только открыло новую страничку в моей биографии, но обогатило археологию южной части Западной Сибири яркими открытиями. В первый же год раскопок памятник дал великолепные серии изделий из бронзы, кости и рога, мощный культурный слой, специфический характер памятника. В общем, для археолога это находка. Так что в чисто профессиональном плане, для меня 1993 год – это год перелома. Это год, когда я открыл для себя интересные памятники, интересные для меня, и для моих коллег, и для простых обитателей города Северска. Неприятная сторона дела это то, что прекратились северные экспедиции. Совершенно поменялась структура финансирования археологии в университете. Сейчас с этим несколько лучше, потому что где-то к 2000 году кризис достиг закрытых городов, и ситуация в Северске была сравнима с 1993 годом в городе Томске. Но зато на севере в пределах ХМАО и ЯНАО возникла потребность в археологии.

Личные ощущения

А что касается моих ощущений, то я скажу так: в 1993 году заканчивается перестроечная и постперестроечная эйфория. Люди поняли: то, что советская пропаганда говорила о социализме – это не всегда было правдой. Но то, что СМИ рассказывали о капитализме – оказалось правдой. Это отсутствие социальных гарантий и социальной защищённости. Когда булка хлеба с 50 рублей за несколько дней поднялась в цене до 200 рублей, когда людям не на что было этот хлеб покупать, вот тогда

все и почувствовали... Что такое капитализм. Что такое борьба за выживание. Что такое своевременная выплата заработной платы. Вот чем университет тогда отличался, это тем, что, пускай маленькие, но заработные платы выплачивались вовремя. Я не помню, чтобы нам сильно задерживали зарплату. Было иногда, но по сравнению с предприятиями промышленного, сельского хозяйств, где месяцами людям не платили зарплат, мы выглядели, конечно, предпочтительнее. Ну и то, что я работал и в лаборатории, и на кафедре, и в музее Северска, помогало выжить не только в научном плане, но и в материальном. Я сильного кризиса не ощущал. А мои коллеги ощутили очень остро. Так что 1993 год – это прощание с иллюзиями, это понимание того, что советская эпоха закончилась окончательно. Ведь разгон Верховного совета означал, что советские по происхождению органы власти приказали долго жить. Начиналась новая страница истории. В этом отношении ключевой год. А всё остальное уже было вторично.

Разочарования

Для меня лично это год жесточайших разочарований. Расстрел Белого дома – ощущение пролитой крови. А ведь все говорили: «Не допустим кровавого раздела Советского Союза». Либералы утверждали: «Рынок всё наладит, материальное благосостояние людей будет улучшаться, нужно потерпеть». Терпели-терпели, и стало уже ясно, что терпеть можно ещё долго, что проблемы не решаются, а ситуация ухудшается.

И не менее потрясающим для меня открытием стало то, что люди, которых я считал достаточно образованными, достаточно культурными, продемонстрировали какую-то первобытную тягу ко всему мистическому. По телевизору показывали Кашпировского, Чумакова, которые извлекли людей от заклятий, хронических болезней, неудач в жизни, гарантировали всем успех. Кто-то воду заряжал... В октябре было объявлено о конце света, и нашлись люди, которые стали к нему готовиться. Бывший секретарь райкома Мария Цвигун объявила себя Девой Марией, и нашлись люди, которые этому охотно поверили. Появились авантюрного вида лекари, шаманы, экстрасенсы. Если на улицах напёрсточники грабили доверчивых людей, то напёрсточники от психологии заняли всё околонууч-

ное пространство. И для меня это было совершенно дико. Богатой почвой для этих проходимцев были люди, которых я называл «полубразованцы». Это те, кого принято было называть научно-технической интеллигенцией. Это в том числе и преподаватели университета с других факультетов: математики, физики, сотрудники НИИ. Многие из них горячо откликнулись на новую хронологию Фоменко и Носовского. Многие вдруг качнулись в сторону религии.

Это дело каждого, но многие из новоиспечённых верующих до этого позиционировали себя как ярые атеисты. И для меня стало откровением, что ставшие тогда популярными идеи новой хронологии, новые идеи происхождения человека находили отклик среди людей достаточно образованных. Очень неприятным откровением, досадным. Я много об этом думал, и для меня сейчас более-менее понятно, почему это произошло: ведь представление об истории как науке формировалось у этих людей через историю КПСС. Им преподавали историю КПСС, а называли они это всё ИСТОРИЕЙ. Они сидели в аудитории, и историки партии под видом истории говорили им о том, как всё хорошо, а все видели, как на самом деле всё плохо. Когда это враньё уже шокировало, тогда и выработалась реакция: историки – это те люди, которые врут в угоду власти. Ведь научно-техническая интеллигенция настоящей истории не изучала, в отличие от профессиональных историков. Тогда историков было меньше, чем сейчас. Гуманитарные специальности были дозированы. И к сожалению, наше сообщество профессиональных историков не находило сил, чтобы этой новой волне ответить. Поэтому такое широкое распростране-

ние получили антинаучные взгляды в области истории, в том числе истории первобытности.

Так что 1993 год – это год нерядовой. В ряду перестроечных и постперестроечных лет это год – определяющий вектор развития для страны, а это значит, что и для вузов, и для системы образования, и для жизни преподавателей, и для меня лично. Время это воспринимается как очень тяжёлое. Моё поколение и поколение, чуть младше, которые выросли при социализме, и были пропитаны духом социализма, очень тяжело преодолевали иллюзии.

Беседовала Н.В.

НОВОСТИ

Негр альбинос?

Американская газета «Жвачка ньюс» опубликовала эксклюзивное интервью с Бараком Обамой, где он разъясняет, почему так хочет войны в Сирии: «Ну чем я хуже белых президентов? Они бомбили, и я смогу, они вводили, и я введу. Надо окончательно покончить с расовой дискриминацией в международной политике. А то что же я как негр, все выводу и вывожу то, что другие навводили? Пора уже показать, что негры — такие же белые, как и белые. У меня и образование есть; я ничуть не глупее, чем Дж. Буш младший; и у меня тоже есть ранчо, точнее — огород вокруг Белого Дома; я так же борюсь с терроризмом, и могу найти, где надо, оружие массового поражения. А этот Башар Асад что думает? Что если я негр, так ему можно безнаказанно не признаться, что он применил химическое оружие? Нет, не выйдет. Потому, что американская нация сплочена больше, чем когда либо, перед лицом мирового зла, потому, что у нас есть Мечта, и, наконец, потому, что теперь все мы чувствуем себя белыми».

«Жвачка ньюс»

(перевод с английского Крылов И.А.)

На пути к сладкой жизни

Борьба за пост нового мэра разворачивается в городе Томске. Выдвижение Кляйна и его пива вызвало нездоровый ажиотаж в общегитии №3. Многие предполагают, что с победой Кляйна «День прощания с выпускниками» на ИФ станет официальным университетским праздником и вернется в общегитие. По другим слухам, студенты «тройки», якобы, готовы поддержать миллиардера Фетисова, который обещал, в случае его избрания, организовать бесплатное кафе сладостей. Итак, что победит, пиво или пирожное?

«Археология: как романтично - убивать комаров лопатами» (с)

А.А. Малых

Если нормальные студенты летом разъезжают по домам и курортам, то археологи рассыпаются по всей стране, чтобы заниматься адским трудом и проверять свои нервы на прочность. И хотя археологический сезон в самом разгаре, мы уже расскажем вам о трёх экспедициях, в которых закалялись как сталь любители кидать землю лопатой.

Север остаётся на севере

Это была первая коммерческая экспедиция в нашей жизни. И университет нас к такому не готовил. Тому не учат в школе, об этом не рассказывала Марья Петровна. Это то, что называется оскотинивание, это пробуждение первобытных законов и быстрое моральное разложение.

— Домой хочешь? К мамочке?!

— Да! Да, хочу! В конце-концов, я девочка, я не хочу махать лопатой, я хочу собирать ягодку. За что меня тут все ненавидят?

— Здесь все друг друга ненавидят, не чувствуй себя особенной.

Сначала было тяжело, и когда просыпались со скрюченными от черенка лопаты руками, думали, что они навсегда останутся такими. Потом мы уже хотели иметь такие руки: так проще было работать.

Вода, которую мы пили, была цвета чая. Чай был цвета этой воды. Вода, которой мы мылись, сначала напоминала кофе с молоком, а потом без молока. И, несмотря на это, мы ходили в белых футболках.

Ямы-ловушки, которые мы приехали копать, были пустыми, вокруг них — ничего. Только какой-то пьяный хант когда-то разбил горшок. Больше находок не было. Снимали по тридцать сантиметров сразу. Все, включая женщин и детей.

Мы были на севере, но полярный день был немногим полярнее, чем здесь, дома. И темнота наступала всё раньше, а медведи в округе видели всё больше. Один зашёл даже на раскоп, мы видели его след. А что делать при столкновении с медведем мы не знали. И не знаем до сих пор.

Потом у нас сломался генератор, и раскопки вообще оказались на грани срыва. Но это был север, а там никто не отказывает в помощи. И технику заряжали то у геодезистов, то на «кусту», у нефтяников. Пока окончательно не сломалась «Нива». Но это произошло за два дня до отъезда.

Дорога до ближайшего населённого пункта не имеет ничего похожего с дорогами, какими мы их себе представляли. Это длинная полоса песка с тысячами рытвин. А мы ехали ночью в грозу, застревая каждые двадцать метров. Кончилось тем, что «ГАЗель»

окончательно встала, не доезжая до места километров пятнадцать-двадцать. И вытащить её удалось только утром.

У меня болели руки и ноги, спина отказывалась распрямляться без уговоров, а мозгу отчаянно хотелось какой-нибудь информации. Но вся информация, поступавшая извне, застревала в потрёпанных фильтрах цивилизации, которую я ещё носила в себе. О чём должны говорить археологи? В академических экспедициях говорили и о науке, а здесь пара предложений без непечатной лексики заставляли насторожиться: а не хочет ли он показать, что он лучше, чище, чем мы? Да и вообще всем было всё равно: школьник ты или студент-археолог четвёртого курса. Ты — никто. «И не думай, за тебя фюрер подумает».

На третьей неделе копания девственного песка и самокопания сломались наушники. Кто читал Хармса, тот может вспомнить сценку, в которой человек разбил свои часы. «Я носил их шестнадцать лет. Вы понимаете, что это значит? Разбить часы, которые шестнадцать лет тикали у меня вот тут под сердцем? У вас есть часы?»

А под самый конец этого бесславного путешествия я услышала, как один человек (мне незнакомый) сказал: «Север — он остаётся на севере. А Томск за спиной, это потому что я еду к нему спиной». И на душе у меня стало легко.

N.B.

Городская археология, г. Тара

Если ты не знаком с понятием «археологические раскопки» и для тебя это синоним таких слов как палатка и костер, то спешу тебя огорчить: это совсем не так. Отличия городской археологии состоят в следующем:

Во-первых, забудь о палатках. В Таре жили мы в спортивном комплексе, не в какой-нибудь «Луговое», а на самом «Олимпе». Да, для простых обывателей это не важно, но для археолога мы почти как те самые древнегреческие боги.

Во-вторых, что такое дежурство по кухне? Проснулся, а на часах не шесть и даже не семь утра, а минут так 20 девятых. Приняв водные процедуры (да, кстати, не мутной водой из ближайшей лужи, а всем нам привычной водопроводной водицей), выходишь на улицу,

а там тебя уже ждут и каждого спрашивают как спалось, доброго утра желают, благодать. И вот только теперь ваш трудовой коллектив идет в столовую, а там... кто помнит столовую детских лагерей меня поймет, да и археологи оценят, когда на завтрак у повара можно попросить, чтобы тебе кашу сварили не на молоке, а на воде, иначе у тебя проблемы с пищеварением. Но и это еще не все. Если ты совсем изнеженное существо и предлагаемая тебе пища кажется скудной, в твоём распоряжении все продуктовые магазины города. Теперь отдельно для сладкоежек: густенное молоко и пряники это конечно хорошо, но ежедневная выпечка в магазине «Кулинария» буквально в 50 метрах от раскопа — это божественно.

В-третьих, я хочу мыться. Со слов коллег-археологов баня — это палатка. Но подождите, мы же цивилизованные люди, зачем нам делать списки, кто пойдет первым: девочки или мальчики? Общественные бани еще до нас разделили на две половины: мужскую и женскую. Конечно, в баню каждый день это не каждому понравится, но и здесь нет проблем: иди прими душ.

В-четвертых, я требую бардов. Ммм... археология, так и вьет романтикой: песнями под гитару, костер, туман на рассвете и капли росы. Я, конечно, люблю природу, но не месяц же тайги, сырых палаток, и куча насекомых. Вышел из «дому», а тут тебе и спортивные поля, крытый каток, театр, да и про песни под гитару разве забудешь.

В-пятых, если бы я это говорил вслух особо ярые археологи стали бы бросать гнилые овощи и тухлые яйца, но мы-то с вами знаем, что они просто нам завидуют. Вот такая она, городская археология.

Алексей Лахин

Can You Dig It?

- Какие самые дикие с бытовой точки зрения у тебя были экспедиции?

- Самые дикие моменты моей научной практики были на Ямале, разумеется. Мы остались втроем в далекой дикой тундре, на десятки километров вокруг не было ни одной деревни, только ненцы бегали со своими оленями. Там было холодно, страшно грустно и одиноко.

- В каком году это было?

- Это было в 2011 году, и несмотря на то, что это был июль, было холодно и дул адский ветер.

- С какой целью вы туда поехали?

- Мы поехали проверять, в каком состоянии находятся древние поселе-

ния, которые были там открыты, это называется мониторинг. Какой-то отдаленный карьер в двенадцати километрах от Карского моря... Все остальные экспедиции проходили очень позитивно и интересно.

- То есть особого дискомфорта от бытовой неустойчивости нет?

- Нет. Может быть это связано с современным состоянием полевой работы, когда палатки не брезентовые и спальники теплые. Но когда я проходил практику мы жили в брезентовых палатках. Было холодно.

- А где у тебя была практика?

- В Кемеровской области, рядом с городом Белово. Потом еще ездил на Алтай со своим же курсом.

- Археологией решил заняться после практики?

- Да, мне понравился образ жизни, назовем это так. Поле [смеется].

- Ты же не раз видел студентов-практикантов, которые приезжают в экспедиции, как они реагируют? Как часто случается так, что они оказываются совершенно не готовы, к происходящему вокруг?

- Буквально в каждой практике, с которой мне доводилось работать, находились люди, как правило, это были девушки, которым было тяжело. Но на самом деле это были единицы. Это нормальная ситуация.

- Как появилась идея возить в экспедиции школьников?

- Есть такое некоммерческое партнерство «Сибирика», которое в том числе занимается подобными проектами, когда школьников из разных деревень томской области свозят в экспедиции, и они участвуют в раскопках. И они, на самом деле, оказываются более подготовленными, чем студенты. Это привычная для них среда и у них изначально другая мотивация: если они едут туда, потому что им это интересно, то многие студенты вынуждены ехать, потому что того требует учебный план.

- И все-таки, для студентов такая штука, как археологическая практика это полезно?

- Безусловно, полезно, потому что чем разнообразнее наша жизнь, тем больше в итоге она дает нам какого-то опыта. Даже если тебе это не совсем понравилось, ты, по крайней мере, это пережил, и может выстраивать для себя какие-то ориентиры в дальнейшем.

Вопрошавший — Палыш Никита, студент 4 курса ИФ

Вопрошенный — Водясов Евгений, кандидат исторических наук, сотрудник Центра коллективного пользования междисциплинарных археологических исследований «Артефакт» ТГУ.

«Дядя, зачем тебе такая большая страна?»

Изучать регионоведение — это отличная возможность понять, насколько все-таки тесно связана история нашей страны с современностью. Перспективы, альтернативы, экономика и политика, социальная обстановка, проблемы и преимущества каждого из регионов — это результат их совместного исторического развития в составе Российской Федерации. На регионоведении объясняют то, на что или не остается времени на лекциях, или сложно для самостоятельного осмысления: причины, влияющие на нынешнее экономическое, политическое положение регионов, их взаимодействие между собой. Курс регионоведения позволяет наглядно представить внутренние взаимосвязи субъектов в РФ, и по аналогии, в других федеративных странах мира, и дает возможность понять, в какой стране мы живем. Этот курс дает возможность получить практические навыки применения наших теоретических знаний. А ещё он учит красиво и заумно говорить.

Курс ведут очень интересные, неординарные люди. Это и всеми нами любимые и харизматичные преподаватели ИФ (девушки любят любоваться Луковым и Литвиновым), и люди, приглашенные из сферы администрирования (тов. Широко). У каждого преподавателя свои требования, каждый преподносит свою часть курса в соответствии со своим мировоззрением, и это огромный плюс, так как сухие и неинтересные учебники читать надоело.

В общем, если вы не хотите дышать исторической пылью многих веков, если думы о России современной заставляют ваше сердце сжиматься, а пульс учащаться, то выбирайте направление «регионоведение РФ». Тем более что перспективы дальнейшего трудоустройства обещают быть неплохими. Но рассказывать об этом я не имею права.

*Жованый крот,
4 курс*

Дежавю на уроках истории

Очередной оппозиционный очерк от экс-редактора газеты. Спешите поспорить!

Раньше я порой удивлялась: как учителя из года в год ведут одни и те же уроки? Наверное, лет так после десяти педагогического стажа начинается сплошное дежавю. У меня пошел только третий год, и ощущения повторений пока вроде нет. Хотя есть тревожные сигналы: в лицах новых учеников часто проглядывают лики уже окончивших школу. Но все это только цветочки по сравнению с тем, что творит со мной сама российская история.

Вот изучаем мы в 10 классе процесс закрепощения крестьян, потом очень долго обсуждаем крестьянский вопрос и реформу по освобождению крестьян, а потом бах! – и коллективизация в 11 классе. Стоп-стоп-стоп, мы же вроде прошли закрепощение крестьян? Это ведь уже было? И про неэффективность подневольного труда было, и про разрушенные судьбы крестьян было, и про проблемы преодоления всего этого тоже было...

Или еще пример. В 30-е годы XX в., да и позже очень много людей было расстреляно за шпионаж, работу на Запад и т.д. Сегодня, конечно, за это не стреляют, но иногда кажется, что многим очень хотелось бы. А ведь в свое время еще М.М. Сперанского обвинили в шпионаже в пользу Франции. Вот и Наполеон его всячески расхваливал, золотую табакерку подарил. Ай-ай-ай! Были преданные подданные, которые считали необходимым повесить Сперанского, но император смиростивился, отправил в ссылку.

Все эти повторения казалось бы уже прошедших событий время от времени преследуют меня, постепенно сливаясь в одно большое нечто. И вот я думаю: А может быть это никакое не дежавю? Может наша история – один огромный день сурка, который будет повторяться, пока мы, наконец, не сделаем все правильно?

Мила Седова

С Днем сурка!!!

Наша газета получила поздравления от следующих мировых изданий:

«Жвачка ньюс»: Вот уже 20 лет по договору обмена мы публикуем на своих страницах лучшие материалы газеты «Черте что» / «Феникс». И неизменно, все 20 лет они пользуются большим успехом у рядовых американцев, откуда те черпают самые свежие и достоверные сведения о том, что происходит в России и мире. Ваш взгляд – особенный взгляд, а материалы – меткие, яркие и беспрецедентно правдивые. Желаем вам и дальше быть путеводной звездой мировых СМИ!

«Арабская мудрость»: Благослови вас Аллах за вашу многолетнюю самоотверженную борьбу с мировым терроризмом, сионизмом, американизмом, сатанизмом и гомосексуализмом! Аллах Акбар!

«Вестник МВД и РПЦ»: Вот уже много лет мы со всей внимательностью наблюдаем за развитием Вашей газеты и тщательно сохраняем опубликованные в ней авторские материалы. Поздравляем Вас с юбилеем и желаем всегда оставаться на виду!

«Вестник конспирологии»: Несомненно, что замалчивание достоинств вашей газеты – это часть мирового заговора против демократических СМИ! А газета, между тем, замечательная! Именно здесь всплывает и остается на поверхности вся правда, которая давно утонула бы в других, не столь грамотных, умных и независимых изданиях. Вы – лучшие из лучших! Не слушайте тех, кто говорит иное, у ЦРУ и ФСБ – длинные руки, это их злобные происки. Но, мы верим, что «Феникс» им не позубам.

Поздравления от президентов, сообществ и организаций:

Британские ученые: Поздравляем газету «Черте что» / «Феникс» с юбилеем! Недавно мы провели обширное исследование по воздействию чтения вашей газеты на организм среднего британца. Выяснилось, что средний британец в среднем читает 99% напечатанных у вас материалов. При этом у среднего британца интеллект повышается в среднем на 28%, рост на 2%, аппетит на 13%, потенция на 44%. Поздравляем вас с этим выдающимся результатом!

Барак Обама: Здравствуйтесь, редакция самой читаемой и веселой российской газеты. Конечно же, я не раз читал ваши материалы. Правда, верю не всему. Но про Путина и Медведева – действительно смешно! Поздравляю с юбилеем! Желаю дальнейших шагов на пути к демократии и либеральным ценностям!

Владимир Путин: Разрешите поздравить редакцию с юбилеем! Мне докладывали про вашу газету. 20 лет, это достаточно большой срок за правду о Родине. А скоро вам будет ещё больше! От Дмитрия – привет. Говорит, что про Обама смешно читать было.

«Когда я пустой - сразу задумчивый, философия в голову лезет, на социализм тянет...»

«Когда я пустой - сразу задумчивый, философия в голову лезет, на социализм тянет...», - вот такая глубокая мысль промелькнула в спектакле. Если поразмыслить, то можно прийти к выводу, что она отражает весь театральный проект «Зойкина квартира»

«Зойкина квартира» - союз пьесы М.Булгакова и Томского ТЮЗа, и довольно удачный. Начать бы хотелось с разбора пьесы. Тщательно подготовившись к спектаклю, я узнала, что пьеса «Зойкина квартира» ставилась в лучших театрах России (например, МХТ им.Чехова, в постановке К.Серебренникова, в Театре драмы им.Федора Волкова в Ярославле, в театре-мастерской П.Фоменко). В чем причина такой её популярности? Безмерная актуальность и современность тем в ней затронутых, хотя пьеса и написана в 1925.

Место действия - НЭПманская Москва. Время, когда у людей была еще возможность в магазине купить что-то приличное или открыть свое предпринимательство. Но народ, не глупый, наученный и, предчувствующий конец этой иллюзии изобилия, старается выжимать из жизни максимум.

Остатки царской интеллигенции страдают. Естественно, мечтают о лучшей жизни за границей, где нет иллюзий, где, по их мнению, и есть жизнь. И вот перед нами Зоя Пельц - женщина без прошлого, живущая одна в шести комнатах. Она и ее окружение грезят о лучшей жизни за границей, пытаются интересными способами выживать в советской действительности. Кто-то с помощью дорогих тряпок, кто-то с помощью недорогих женщин, а кто-то с помощью тяжелых наркотиков. А что, впрочем, изменилось на сегодняшний день? Культ потребления, страх перед неопределенным будущим, неприятие чужих ценностей - все это есть. Да и способы борьбы не изменились.

И вот такая картина и такие герои предстают перед нами на сцене Томского ТЮЗа.

Театр, тонко чувствующий, улавливающий потребности зрителя, театр

действительно «нового зрителя». Зрителя не развлекающего, а думающего. Режиссер спектакля Александр Загораев умело соединил смех и слезы, фантазию и обыденность, «Мастера и Маргариту» с «Зойкиной квартирой».

Думаете, Вы пойдете на спектакль? Ошибаетесь! Вы окажетесь на самом настоящем сеансе черной магии с разоблачением. Перед Вами выступит господин Воланд, который наглядно продемонстрирует, как со временем не меняются проблемы и потребности рода человеческого, на примере нехорошей «Зойкиной квартиры». Всё действие спектакля опутано дьявольскими, темными нитями. Я уверяю, Вы забудете, что находитесь в театре. Вас увлечет великолепная актерская игра. Артисты легко и непринужденно живут на сцене, как молодые, так и более опытные. Мистические спецэффекты поражают неожиданными решениями. Музыкальное оформление с элементами мюзикла и безупречная атмосфера просто радуют. И, пожалуй, юмор, смех через слезы. Как известно, заставить человека плакать намного проще, чем заставить смеяться, на это талант нужен. А у команды ТЮЗа, он, безусловно, есть. Хочется отметить небанальное отношение к использованию сценического пространства в спектакле. Каждый элемент на сцене был задействован и создавал образ непростой квартиры. Квартиры, меняющейся, как по щелчку пальцев, по желанию хозяев.

Итог таков: когда я вышла из театра, остались чувства смешанные. С одной стороны, было страшно, а с другой стороны, я получила удовлетворение и удовольствие от качественного театрального продукта, заставляющего задуматься.

Спектакль я рекомендую, а смотреть его или нет - решать Вам. До встречи в новом театральном сезоне.

Полина Кошкарёва

Новости

Полет «Паруса»

Как известно, новое общежитие ТГУ «Парус» так и не было введено в строй, в связи с тем, что начало разваливаться, а подвал затопливается водой. Выяснилось, что причины этого, не в просчетах строителей, проектировщиков и подрядчиков, и даже не в коррумпированной слепоте ни за что не отвечающей комиссии по приему здания, а... в полтергейсте! Дело в том, что при освящении общежития были допущены нарушения, а святая вода просрочена. И вот, нечистая сила воспользовалась данным обстоятельством. Говорят, что на этажах уже видели чертей, а в подвале - самого дьявола! В связи с этим, 21 сентября в Томск приезжает патриарх Кирилл, перед которым стоит нетривиальная задача изгнания бесов из студенческого общежития. Ожидается, что имена бесов будут озвучены публично.

Русский след

Заявления американских сенаторов о русском следе, в якобы применяемых Башаром Асадом отравляющих газах, неожиданно нашли достоверное подтверждение. В Дамаске была найдена партия ношенных мужских носков российского производства, предназначенных для разбрасывания, с помощью авиации, над территорией контролируемой повстанцами. Вонь от найденного контейнера была такова, что трое инспекторов ООН слегли с симптомами сильнейшего отравления. Предполагается, что именно эти носки, импортированные из РФ, стали причиной гибели множества сирийских граждан.

«Жвачка нюс»

**Продамса
в рабство
за зачёт
по БЖД!!!**

Прогуляю пары за
вас.

С удовольствием.

Поделюсь
опытом
общения с
кастеляном
общезития №3.

Продам на мед.
нужды трёх
студентов-
задолженников.
Обращаться
на кафедру
истории
средних веков
и методологии
истории.

Реабилитационные курсы
для археологов. В программу
входят: восстановление
печени, курс культуры речи,
обкуривание выхлопным
газом, антилопатные
процедуры для пальцев.

Ведётся набор на курсы
мимикрии. По окон-
чанию курса вы буде-
те владеть техниками
«каменное лицо», «мо-
лящий взгляд», «че-
ловек-невидимка» и
«Дэвид Коперфильд».

Продам набор
для выживания в
общезитии
- тазик,
- средство от блох,
- абордажный
набор,
- грим,
- парик

**Ищу
умеющую
готовить
старушку для
проживания
в общезитии.
Съеденные
обеда
гарантирую.**

Закурю в
общезитии
на глазах
коменданта.
**Очень
дорого.**

Сдам место
в землянке за
памятником
Потанину.

**Продам
образцы
заявлений.**

**Оптом и в
розницу.**

Профессиональный
лентяй. Дорого.

**Здесь
могло
бы
быть
ВАШЕ
объявление!**

По вопросам связи с
авторами объявлений
обращайтесь в редакцию.

Над номером работали: корреспонденты: Седова Людмила, Башегурова Надежда, Лир Юлия, Овчинникова Наталья, Петрова Ксения, Палыш Никита, Лахин Алексей, Дунбинский Илья, Сайнаков Николай; редактор: Башегурова Надежда; дизайнер-верстальщик: Харитонов Вероника; корректор: Тарасов Александр; художник: Петрова Ксения; выпускающий редактор: Сайнаков Николай. Предыдущие номера газеты и свежая pdf-версия на сайте www.if.tsu.ru. По вопросам размещения материала обращаться на bashkovitost@mail.ru, тел. редакции 8-923-411-8906. тираж: 100 экз.